

РЫБОХОТОБОЗОР

Хожу на охоту, пишу мои вирши...

Н. А. Некрасов

Добрая половина моего детства прошла в деревне. Здесь я с малых лет полюбил лес и воду – речки, пруды, озёра. И ещё – рыбалку.

Именно рыбалки помогли мне острее почувствовать природу, уважать её, бережливее относиться к ней, ко всему живому. А значит, помогли жить, работать, познать и полюбить нашу замечательную и добрую землю, нашу Родину.

Николай Старшинов

Высшее счастье доступно только тем, кто встаёт на заре: разве не рассветный, блистающий каждой каплей лес научил меня так ревностно любить родину мою, вятские увалы, с их перелесками, запахами сосны, можжевельника, пихты и замшелых валунов по песчаным берегам хрустальных северных наших рек!

Павел Маракулин

**Забыл он всё, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнания
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!**

М. Ю. Лермонтов

Дорогие друзья, многоуважаемые читатели «Северо-Муйских огней», сегодня я рад сообщить, что по решению Редакционного Совета на страницы журнала возвращается рубрика, посвящённая рыбалке и охоте. Потуги цивилизации не смогли полностью вытравить из сознания людей древний инстинкт добытчика, проявлением которых являются эти два увлечения. Не зря до сих пор никто не опровергает поговорку, что земные дни, проведённые охотником и рыбаком за любимым занятием, Бог не зачитывает в счёт прожитых дней и продляет земной век рыбака и охотника на этот срок. Многие известные люди, дружившие с пером, были поработаны Богиней Дианой. Это и Пришвин, и Бианки, Толстой и Аксаков, Черкасов и Пермитин, Тургенев и Некрасов, и многие другие известные писатели и поэты, чьё творчество легло прочным фундаментом всей нашей русской литературы.

Один из людей, увлечённый этими страстями с юных лет, кратко и с любовью и юмором охарактеризовал рыбаков и охотников: «Психиатры различают три вида шизофрении: охоту, рыбалку и просто шизофрению. Первые две не лечатся».

Ведь трудно объяснить далёкому от всего этого человеку, зачем взрослым серьёзным людям, вне зависимости от положения в социуме, которые они занимают, покидать городскую, тёплую, уютную зону комфорта, сознательно обрекая на преодоление определённых трудностей, часто объективно несущих угрозу для жизни и здоровья. Их могут поджидать снег, ветер, дождь, промозглая сырость, коварная наледь под снегом, и много ещё чего только ради одного – хорошего выстрела или желанного заброса блесны в таёжном улове, чтобы, ощутив в руках желанный трофей, получить такой жизнеутверждающий вброс адреналина и непередаваемые ощущения. Они получают возможность увидеть чарующие по своей красоте закаты и восходы, послушать голоса обитателей весеннего леса и тундры, насладиться живописными картинами природы весной и её тихой подготовкой к зиме на фоне ярких красок осени.

Время и прогресс наложили свой отпечаток и на охоту и рыбалку. Немного осталось людей, для которых охота и рыбалка остаются основным способом заработать на жизнь. Чаще всего городской житель превращает выезды на охоту и рыбалку в своеобразный ритуал, и не всегда охота и рыбалка бывают добычливы. Многим рыбакам-охотникам от этих поездок не всегда нужна добыча – возможность полечить душу, находясь наедине с природой, дорогого стоит.

Очень здорово, что среди охотничьей и рыбацкой братии есть немало людей, которые, пользуясь ружьём или удочкой, не забывают о пере, запечатлевая для себя и потомков те впечатления, которые им доводится переживать на охоте и рыбалке.

Новый раздел нашего журнала – «Рыбохотобзор» – отражает ещё одну яркую грань эпической, исконно народной литературы, иногда не совсем серьёзно воспринимающейся профессиональными литераторами. Но так же, как и легенда, и сказка, и поэма, и басня, – охотничья байка, стих, песня, рассказ – в виде притчи или совета, всегда были на устах народа, независимо от его национальной принадлежности и культуры, что, безусловно, объединяло и упрочивало общность единой нации. В этом смысле цели редакции «Северо-Муйских огней» и охотничье-рыболовного эпоса имеют одинаковую направленность. Но Журнал никого не призывает к ещё более какому-либо единению, он лишь приглашает своего читателя к общему таёжному костру, к душевной и дружеской беседе в кругу рыбаков и охотников, настоящих любителей природы и доброго слова.

Ни пуха вам ни пера, дорогой читатель!

Сергей Малашко, г. Магадан

/прозаик-публицист, охотовед, заведующий разделом «Рыбохотобзор»/

Сергей ДЕМЧЕНКО

г....., Канада

Осечка

Тепло... Очень тепло для севера Канады. Середина ноября... Но столбик термометра доходит до плюс десяти... К этому времени, как правило, снега подваливает сантиметров до тридцати-сорока и морозы давят такие, что сидеть и ждать оленя невозможно. Невозможно из-за мороза, змеей ползущего сначала в скрадок, потом под одежду, потом в сапоги. В прошлом году я приморозил ноги. А сегодня – красота...

В тайге тихо... Так тихо, что, заходя на своё место, я слышу, как похрустывает моя одежда. Охотничья одежда – это влаго-ветрозащитный камуфляж, а хрустит. Я слышу этот хруст, каждый раз сгибая колени при подъёме ноги. А как же зверь? Он меня явно будет слышать. Лучше засесть где-то.

Молодняк густо заполонил старую вырубку. Деревца в руку толщиной толпятся как в московском метро. Не протолкнуться, не протиснуться. Но олени ходят. Они пробили узкие тропы между густым подростом и эти тропы, как мышиные норки темнеют в белесом осиновом молодняке.

Хорошее место в сплетении троп. Тропы сходятся на узкой длинной поляне, бегут вдоль неё и снова разбегаются по своим чёрным лесным норкам. Поставить скрадок занимает пару минут. Сажусь на стульчик... Как дома перед телевизором. Обзор на сто восемьдесят градусов сквозь узкие смотровые оконца. Точно как в телевизоре, цветном... но с застывшей картинкой.

Время идёт медленно, ничего вокруг не меняется, за исключением время от времени пролетающих воронов. Летят молча, летят туда и обратно одним и тем же маршрутом далеко впереди меня, посматривая с высоты на лесных обитателей. Им хорошо, они всё видят. Где медведь бродит в поисках чего-нибудь съестного, где олени пасутся... В том, что они уже пасутся, я не сомневаюсь. Заметно вечереет, олень уже вышел...

Далеко по тропе вижу движение... Приподнимаюсь со стульчика, чтобы улучшить обзор...

Оптика показывает мне медведя. Он вышел на тропу, стоит, топчется на месте, нюхает что-то. Копаются. До него метров двести.

Ноябрь. Зима по-канадски, а они всё бродят...

Медведь скрылся в лесу в том же месте, где вышел. Скорее всего и ляжет где-то недалеко. Чуть дальше на запад – тёмные пихтарники с ветровалом, как раз для него.

Устал сидеть в скрадке. Да и прохладно как-то... И потемнело заметно...

Стою позади скрадка, всё ещё посматривая на тропу, где только что был медведь. Почему-то мне кажется, что и олени должны выйти там же...

Приложился к оптике, положив карабин на крышу скрадка. Очень хорошо просматривается тропа, до самой границы со зрелым лесом!

В лесу сереет и... становится холоднее. Натягиваю поплотнее шапочку и одеваю перчатки. Шапка и перчатка оранжевые, охотничьи – мягкие, легкие и пушистые.

Кладу палец на спусковой крючок, проверяя как входит палец в перчатку. А он входит с трудом, вернее не входит совсем... Ну ничего, олень выйдет, успею снять, времени у меня будет предостаточно...

Что-то белое мелькнуло вправо от тропы, доли секунды, но натренированный глаз отметил это движение, приковав всё внимание к зарослям.

Вот он! Стоит смотрит на меня! Нет, не на меня, меня он не видит за скрадком! Он смотрит на вновь появившийся объект на его территории, на мой скрадок! Стою не шевелясь. Ствол карабина на крыше скрадка, нацелен в другую сторону.

Огромные чёрные, влажные глаза оленя не спускают взгляда с моего скрадка. Я не могу повернуться, повернуть карабин... Он делает шаг ко мне, потом второй... Дышит открытым ртом, выбрасывая облачко белого пара при каждом вздохе, ноздри жадно ловят запахи. Красив олень... Рога в четыре отростка, абсолютно симметричные, белое поперечное пятно на шее и на морде, чёрный влажный нос и глаза... чёрные, на выкате, сжирающие мою палатку. Он стоит, спрятанный в высокой траве. Мне кажется он маловат, рога тонковаты... но, однозначно, трофей!

Хоть бы белка затарахтела или птица какая-нибудь голос подала. Отвлекут внимание, можно будет вскинуться, хотя стрелять уже придётся по ходовому...

Ничего... Тишина вокруг...

Олень делает ещё шаг. До него метров двадцать...

Громко выбросив воздух, рогач срывается с места...

Мои мысли срываются с той же скоростью: «Стрелять – не стрелять?».

Но охотничий рефлекс действует сам по себе. Карабин в плече, олень в перекрестии прицела... Два-три прыжка...

Ну, жми! Чего же ты?..

Палец поджигает спуск, но... осечка... В моём сознании осечка... Не стреляю, хотя и вижу, что олень хорош. Он повернулся боком ко мне, показавшись во всём своём великолепии на миг, и моментально исчез в молодняке.

Сергей МАЛАШКО

г. Магадан

Родился в 1962 году в городе Зея Амурской области.

В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области.

Публиковался в альманахе «Охотничьи просторы», журнале «Охота и рыбалка 21 век», в литературных журналах «Острова» (США), «Интеллигент – Нью-Йорк». Автор книг «Бальзам для охотничьей души», «Одна, но пламенная страсть» (в соавторстве с Михаилом Смирновым), «Весенняя охота на гуся, или Бегство от себя к себе», «Хобби настоящих мужчин». Член международного союза писателей «Новый Современник». Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015).

Относительность свободы

эссе

30 апреля 2013 года в довольно мрачном расположении духа шёл в одно многоуважаемое государственное учреждение. Бывать в нём за последний год приходилось многократно, хотя общение с любой «государевой» конторой в наше время доставляет мало удовольствия. Город жил своей жизнью, утопая в суете машин, их сигналах, разномастных звуках их прожорливых двигателей, превращающих природу в окружающую среду. Машины гонялись друг за другом, пытались при помощи хозяев доказать своё превосходство. Люди находились в тенётах электронных коммуникационных волн, барахтались в них как мухи в паутине. Настроение было невеселым – второй год подряд не еду на весеннюю охоту. Уже две весны родной тундровый домик не приютит меня после вечерней зорьки. В прошлом году это переживалось очень обострённо, был близок к нервному срыву. В этом году переживаю легче, но сильно злюсь или даже ругаюсь, когда кто-либо из моих знакомых задаёт коварный вопрос: «А почему ты не на охоте?»

Пришлось в очередной раз, вместе с обитателями Города, барахтаться в опостылевшей паутине, пытаюсь побороть складывающиеся обстоятельства. Город шумел, сигнализировал, работал, ругался, трещал по телефону и занимался всем тем, из чего, по его мнению, состоит жизнь.

Я не дошёл до конторы метров двадцать. Из привычного шума большого Города слух выделил нечто особое – живое, яркое, необычное для большинства его обитателей. Звук исчез, но как птица Феникс возродился вновь. В моём сознании вспыхнула яркая и такая до боли желанная искорка.

«Неужели гуси?» – искорка разгорелась до огромного костра, яркого и по-доброму обжигающего, радующего душу, истосковавшуюся по охотничьему адреналину.

Вскинул голову вверх – в ту сторону, откуда донёсся этот звук. Я не ошибся – в безумно-голубом, ясном, чистом небе (такое бывает в северных городах) летели два небольших табунка гусей. Гуменники шли рядом правильными клиньями в неласковые северные края.

Было их немного – не более четырёх десятков. Я остановился, поражённый пришедшим пониманием сути произошедшего. Эти небольшие птицы смогли заявить о себе, перекричав звуки Большого города. Кричали они не все и не сразу. Их голоса, полные свободы и достоинства раздавались с недостигаемой для человека высоты. Они славили наступающую весну, славили Создателя за возможность нести себя в небесной лазури. Впервые за все годы занятия охотой я услышал в их голосах то, что не удавалось услышать ранее. Короли весеннего колымского неба славили ещё и Свободу, великий дар который им был доступен.

Как-то сам собой в задавленной проблемами голове возник вопрос, простота и величие которого повергли в лёгкий ступор: «Послушай, ты перешагнул полувековой барьер, добыл за свой охотничий век немало гусей, уток. Ответь самому себе – кто сейчас свободен? Покоряющий воздушный океан гусь-гуменник или ты, повязанный по рукам и ногам жизненными обстоятельствами?»

Наблюдая за счастливыми, удаляющимися в воздушном океане красавцами-гумешами, пытаюсь самому себе ответить на озадачивший меня вопрос.

Ответ пришёл быстро.

«Увы, дружище, но свободны сейчас только летящие на север гуси. Их свобода абсолютна и не ограничена ничем, кроме сроков жизни отведённых Создателем. Их жизнь честна, но не легка и не безоблачна. Они живут в состоянии естественной свободы, подчиняясь только законам биологического цикла и стараясь миновать риски, которые несёт им данная Создателем жизнь. Но они свободны в своём выборе, и именно это сейчас показали Городу, жалко расположившемуся внизу, под их крыльями, на грешной Земле.

Ты, даже будучи человеком, не можешь соперничать с ними в состоянии свободы, при всём прочем, имея возможность лишиться эту прекрасную птицу жизни, удовлетворив этим свой оставшийся от пращуров охотничий инстинкт.

Но, даже упав на землю после твоего выстрела и став твоим трофеем, он уходит в мир иной СВОБОДНЫМ. Ты, венец творения, лишив его жизни, так и не смог лишить его свободы, сам оставшись несвободным».

Гуси исчезли из виду, растворившись в небесной лазури. Немного постоял, запоминая услышанные мной голоса свободных птиц, раскрывших мне их тайный смысл и указавших мне на мою несвободу. Я вынужденно возвращался в опостылевшую суету Большого Города, но с каким – то странным чувством. Вероятно, это было стремление к недостижимой пока степени свободы, на которую мне так неожиданно указали гуси. Вместе с этим стремлением пришла и надежда, что по Воле Бога я смогу её обрести.

Дмитрий ПОБЕДИНСКИЙ

д. Крутец, Устюженский район, Вологодская обл.

Родился в 1970 году.

В прошлом – инженер-программист, страстный охотник. Ныне – хозяин гостевого дома на Вологодчине, охотник-натуралист.

Автор нескольких рассказов о природе и охоте. Публиковался в журналах «Охота» и «Русский охотничий журнал». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Рассказы

Дикая Вода

Ну вот есть на свете люди с удивительно внимательным взглядом. Вроде бы и просто смотрит человек на тебя, не вглядывается, не буравит зрачками, а всё равно – чувствуешь, что видит он очень много. Есть у таких людей что-то в морщинках у глаз, в наилегчайшем прищуре этакое, позволяющее им видеть и замечать больше, чем большинству других, вроде меня.

Вот такой – редкостной – породы и наш проводник Саша. Он только что сообщил нам, что воду мы будем брать из озера и попросил не волноваться особенно по этому поводу. Теперь он смотрит на нас и едва заметно улыбается – почти неуловимыми морщинками в уголках глаз. Смотрит внимательно – ещё бы: всего каких-то пять часов назад мы впервые встретились на вокзале Петрозаводска, после чего целеустремленно добирались до небольшой лесной избушки, затерянной в глухом лесу на берегу озера, в сорока почти километрах от ближайшего жилья. Здесь нам предстоит прожить девять дней, наслаждаясь природой, охотясь, путешествуя по окрестностям. А учитывая то, что перед Сашей стоит четверо «столичных штучек», реакция которых на предложение попить водицы из озера или развести огонь по большому счёту непредсказуема, его повышенное внимание к нашей реакции было вполне объяснимо. Впрочем, отреагировали мы спокойно, даже, в какой-то степени, радостно. В походе все мы не новички, кое-какой опыт лесной жизни вроде бы есть – хотя и ограниченный в основном окрестностями родного мегаполиса. Так что пить воду из озера мы согласны с видимым удовольствием, о чём тут же и сообщаем Саше. Следует обмен улыбками – начало взаимопониманию, судя по всему, положено.

Мне всегда было интересно наблюдать за тем, как устанавливается контакт между ранее незнакомыми людьми. Такое впечатление, словно каждый из нас заключён в некую невидимую оболочку – гладкую, даже, можно сказать, скользкую. При мимолётных встречах эти оболочки проскальзывают друг по другу, не давая нам задержаться друг возле друга – и бурные, суматошные воды реки жизни разносят нас в разные стороны. И лишь иногда – редко-редко – случается так, что какие-то, непонятным образом возникшие на поверхности наших оболочек крючочки-зацепочки совпадают. Тогда начинает возникать взаимопонимание и, если повезёт, появятся новые зацепки, новые точки контакта. Так – потихоньку, шаг за шагом, возникает доверие.

После этого разговора прошло несколько очень насыщенных впечатлениями дней, за которые мы с Сашей успели облазить множество укромных таёжных уголков в окрестностях нашей избушки. Вот и ещё один день охоты клонился к концу и, хотя в конце сентября в Карелии сумерки приходят рано, нам он показался длинным. Целью нашей экспедиции в этот день было довольно отдаленное глухаринное болото, хитро запрятавшееся в глубине леса. Мы всё-таки нашли его, хотя и поплетались перед этим изрядно. Да и хождение по самому болоту, состоявшее, в основном, из прыжков с одной, усыпанной клюквой, шаткой мшистой кочки на другую, было занятием довольно утомительным, но, вместе с тем, и удивительно интересным. Поэтому, хотя мы и прошагали в этот день немало и гудящие ноги всё усерднее напоминали о себе, просясь на отдых, настроение наше было радостным – ещё бы, сколько красот открылось нам сегодня! Красота северной природы тем и удивительна, что, при всей своей неброскости, пастельности, она обладает волшебной, непередаваемой глубиной. Тёмно-красные ягоды клюквы, ягель, серовато-зелёные, седые лишайники на ветвях, мхи нежнейших оттенков зелёного цвета, темная, густая зелень белой хвои, золотые и бронзовые стволы сосен, голубизна озёр с опрокинутым в них небом, несущим белые облака... Нет, это – не календарные красоты тропических островов, оглушающие, как раскат литавр в исполнении полкового оркестра, как финальные ноты патетической симфонии, когда все музыканты в едином порыве стремятся обрушить на потрясённого слушателя могучую волну звуков. Красота Русского севера больше похожа на задумчивую, чуточку грустную мелодию, сыгранную на жалейке под аккомпанемент птичьих голосов. Она успокаивает, согревает, она дарит тому, кто видит её, силы идти дальше...

Мы и шли, стараясь особенно не мешкать – сумерки начинали потихоньку сгущаться, а нам так хотелось успеть вернуться в лагерь до темноты. Саша шёл впереди, мы пытались не слишком сильно отставать от него. Вдруг впереди послышалось тихое, нежное журчание воды. Через несколько десятков шагов едва заметная тропка побежала под уклон и совсем скоро вывела нас к ручейку, весело прыгавшему по дну небольшой лощины с камешка на камешек в своём вечном стремлении куда-то. Над ним склонились берёзки, укрывая его тенью своих уже пожелтевших, но еще не до конца опавших листьев.

Саша легко перепрыгнул с одного берега ручейка на другой и остановился, поджидая нас. «Попейте воды... Она вкусная!» – сказал он, как только мы подошли к самому берегу. Пить действительно хотелось и мы, не мешкая, присели на корточки, зачерпнули ладонями воды и сделали по паре глотков.

То, что я почувствовал, глотнув этой воды, очень трудно понять и передать – просто я никогда раньше не испытывал ничего подобного. Не могла обычная вода быть такой вкусной! Впрочем, это и

была не обычная, привычная для меня вода – безликая, пропущенная через городские трубы, с индивидуальностью, вкусом и ароматом, вытравленными хлором. Нет, это была самая настоящая Дикая Вода – непокорная человеку, неподвластная ему, нетронутая им... Совершенно автоматически я снова погрузил ладони в прохладные струи ручья и зачерпнул еще. Теперь я начал потихоньку понимать вкус этой воды – дно ручья было сплошь устлано старой, прелой, темно-бурой листвой. По его поверхности изредка проплывали только что опавшие, ярко-жёлтые листья, а сама вода имела заметный чайный оттенок. Всё сочетание этих цветов было удивительно тёплым, уютным. Таким был и вкус этой воды и ее еле уловимый аромат – вкус и аромат прелой листвы, прошедшего лета и этого, и прежних лет... Вкус Времени... Вкус воспоминаний этой воды, да и самого леса – кажется, древнего, как сама Жизнь – обо всем, что происходило вокруг с начала времён, обо всех, кто когда-либо припадал к ней, чтобы утолить жажду.

Этот ручей не просто бежал по лесу, перепрыгивая через корни и камни – нет, он бежал сквозь само Время, соединяя воедино прошлое и будущее. Он и сегодня был таким же, как и триста, и пятьсот лет назад, и вода его была всё так же настояна на прелой листве теперь уже давно умерших деревьев. На какой-то момент мне показалось, что я могу ощутить себя своим давним-предавшим предком, так же склонившимся к ручью после долгого пути и черпающим из него освежающую, чистую, такую вкусную влагу... И тут же остро захотелось, чтобы и через много лет после меня кто-то так же присел на короточки возле лесного ручейка, опустил в него ладони и, сделав глоток, подумал обо мне...

Я поднял глаза и встретился взглядом с Сашей. Мне показалось, что он смотрит на меня несколько иначе, чем при первом нашем разговоре. Похоже было, что он смотрит на меня с пониманием – как человек, тоже отведавший Дикой Воды.

Костёр

День неудержимо клонился к вечеру. Солнышко, словно утомившись весь день идти по небу, даря нам свет и тепло, стало опускаться всё ниже и ниже. В какой-то момент оно, видимо, споткнулось о макушку высоченной старой ели, невесть сколько росшей в глубине леса и, огорченное этой неудачей, растратив последние силы, покатилося вниз всё быстрее и быстрее. Прямо на глазах тени становились всё длиннее и гуще, краски мягче, а звуки лесной жизни – глуше и таинственнее.

Весь день мы ходили по тайге, перешагивая полузаросшие мхом поваленные лесины, пробираясь через чепурыжник на месте старых вырубок (вот ведь название, а? – как зацепит, так еле отчепишься!), обходя целые поляны трехэтажного бурелома и прыгая с кочки на кочку на моховых болотинках. Разумеется, всё это не могло не сказаться на наших, вдребезги изнеженных цивилизацией, организмах. И ещё как сказалось! Мы были вымотаны совершенно – до того самого состояния, когда в душу начинает просачиваться через какие-то неведомые щелочки предательская мыслишка «ну и зачем я сюда пошёл?». Разговоры как-то сами собой стихли и слышно было только усталое сопение, лишь изредка перемежаемое ворчливым чертыханием, когда кто-нибудь из нас неудачно наступал на шатающийся под ногой камень или получал веткой по физиономии. Таинственным образом потяжелевшее в несколько раз ружье немилосердно оттягивало плечо, а такой небольшой ещё утром рюкзачок за время пути успел, кажется, изрядно набрать весу. Одним словом – стало совершенно очевидно, что пора останавливаться на ночлег.

Какое же это всё-таки блаженство – после долгого пути снять ружьё, сбросить со спины рюкзак и, привалившись спиной к шероховатой, теплой сосне, постоять, каплю за каплей снова обретая способность слышать, видеть, обонять и – главное – воспринимать все, что ощущаешь... Не стоит только в этот момент совершать коварную ошибку – садиться. Как же тяжело потом оторваться от земли! Кажется, что каждая косточка в теле, каждая мышца обретают право голоса и устраивают шумный митинг протеста против такого бесчеловечного насилия над ними...

Но – пора! Сумерки уже густы, ещё чуть-чуть и можно будет с полным на то основанием назвать их темнотой. А ведь нужно ещё обустроить лагерь, приготовить немудрящий ужин. Но сперва – костёр!

Полоска бересты, пригоршня сухих еловых веточек, спичка или зажигалка – волшебная, магическая формула, испокон веков отличающая человека от прочих Чад Божьих. И вот уже над шалашиком из хворостинки весело заплясали первые, ещё слабенькие и робкие, язычки пламени. Несколько жердинок потолще и – вот уже близко возмужание Костра – две серьёзных сушины ложатся в него, чтобы отдать нам своё тепло. Пройдёт совсем чуть-чуть времени и Костёр загудит ровнее, обретёт силу, обнимет положенные в него брёвна заметно подростшими языками своего пламени.

Мы же тем временем суетимся вокруг, занятые обустройством лагеря, приготовлением ужина. Слишком давно мы были детьми Природы, слишком давно мы, как неразумные подростки, удрали от нее к мачехе-цивилизации и вот теперь, привыкшие к её игрушкам, уже не можем обходиться без них – нам нужна горячая пища, хоть какой-то кров над головой, тепло... За этой своей суетой мы так и не замечаем возмужания Костра, мы возвращаемся к нему, лишь сделав себе постель из лапника и натянув над ней полог из плащ-палатки. Мы возвращаемся к Костру с котелком, полным воды – чтобы он вскипятил нам чайку – и невольно поражаемся, как окреп тот малыш, который ещё совсем недавно робко цеплялся за тоненькие веточки, которыми мы его подкармливали.

Что может быть аппетитнее звука, булькающего над Костром котелка? Какой зачаровывающий звук, вздымающий в груди тёплые волны Настоящего Чайного Удовольствия! Разогретая в огне тушёнка, краюха чёрного хлеба с добрым куском сала и Чай – волшебный, крепкий, обжигающий, Горячий Сладкий Чай – с неповторимым запахом дыма, дикой воды, прокопчённого чуть ли не насквозь котелка... Всё! Вот он – Порог Блаженства! Осталось сделать один малюсенький шаг – закурить и опереться на локоть...

Неспешно течет разговор – о мелочах сегодняшнего дня – тех самых мелочах, что потом, возможно, будут вспоминаться, как одни из счастливейших в жизни моментов, об упущенной дичи, о намятой ноге, о том, что тушёнки осталось всего две банки и поэтому завтра стрелять надо как следует, а не как получится... Мягкие отблески пламени играют на спокойных, добрых лицах товарищей... Вот один из них тихонько опустился на спину и мирно засопел – волшебница-Дрема взяла его под руку и повела на прогулку по сказочным садам сна... Другой неотрывно смотрит на огонь – глаза его приобретают выражение некой отстраненности, словно всматриваются куда-то далеко-далеко за Костёр, за Лес, за невидимый горизонт... Бог весть, о чём он думает сейчас, что вспоминает. Но безмятежное, может быть, лишь слегка грустное выражение его лица говорит о том, что ему сейчас хорошо. Разговор сам собой затих, стоял, словно последний весенний снежок на лесной тропке... Тепло Костра, сперва отогревшее наши тела, наконец-то взяло в свои мягкие, бережные ладони наши души...

Я сижу в великолепно, роскошном каминном зале удивительного замка – самого прекрасного из всех замков, что в силах вообразить человек. В этом зале высоко-высоко взмываются покрытые старым, потемневшим золотом колонны сосен. Они взмываются туда, где за зелёной драпировкой крон виден неземной красоты купол, покрытый чёрным бархатом и украшенный мириадами бриллиантов-звёзд. Зал этот огромен, но светом пламени из камина-Костра в нём очерчен круг – круг тепла и света, круг покоя и уюта. И я наслаждаюсь этим светом, этим уютом, чувствуя себя неизмеримо богаче любого богача, любого наследного принца, нефтяного магната – любого, нагородившего вокруг себя стен из кирпича, стекла и бетона... Я – Свободен!

Очень хочется полюбоваться своим каминным залом со стороны... Поднимаюсь и, не оглядываясь, иду туда, где заканчивается волшебный круг тепла и света, даруемый Костром. Граница этого круга на удивление чёткая – в какой-то момент возникает ощущение, будто стоишь перед дверью – сделай шаг и выйдешь наружу. Я так и делаю. Оборачиваюсь...

Я стою в тёмном, ночном лесу. Прямо передо мной – огромный волшебный замок. Из-за темноты я не могу разглядеть его как следует, но мне хорошо видно освещённое тёплым светом окно между двумя кустами. Я заглядываю в это окно и вижу наш Костёр, моих добрых товарищей, золотые колонны сосен, полог плащ-палатки... Да, это он – мой сказочный каминный зал – удивительно красивый и необыкновенно уютный... Я стою и люблюсь этим зрелищем, не в силах оторвать взгляда, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть очарования этого момента... Я улыбаюсь, мне чертовски хорошо!

Укладываюсь у огня – завтра предстоит долгий день, завтра будут новые дороги, новые места, новая усталость и новые радости... Мне уютно и спокойно – я знаю, что наш Костёр будет согревать нас своим теплом до самого утра, хотя пламя его и угаснет. Но в глубине его, под золой, будут потрескивать, даря нам своё тепло, его жаркие угли – Душа Костра. Я видел его совсем юным, робким и беззащитным, видел зрелым – сильным, ярким, теперь он – старый, спокойный и мудрый. И от этого – по-особенному тёплый... И Добрый.

Сергей ТЮРИН

От автора. Мне 52 года. Писать рассказы начал в начале нулевых, и началом послужило обычное событие – выезд на рыбалку с отцом и сыном. Но тогда почему-то всё так сложилось: и погода, и дорога – туда и обратно, и результат дня, что запустился какой-то процесс во мне, захотелось это не просто запомнить, но и записать.

Так со временем я стал записывать в дневник некоторые события, произошедшие со мной и моими друзьями и близкими на охоте или рыбалке. И именно при встрече с Природой хочется не просто оставить в памяти эти радостные и приятные сердцу моменты, а запечатлеть их на бумаге и, перечитывая, заново переживать!

Однажды выложил на суд местного охотничьего форума один из своих рассказов, и форумчанам понравилось! Сказали: «Пиши ещё!» Я и пишу.

Без неё

Рассказ

Наконец-то я решил сходить на охоту.

Недалеко совсем от дома, полтора десятка километров всего, и я на месте. Ночевать не собирался и поклажей моей были ружьё да с десяток патронов, рассованных по карманам куртки. Места знакомые, хоженные-перехоженные вдоль и поперёк, под названием Коровье. Это старица реки Кинель, бывший её меандр, а ныне зарастающее по берегам рогозом и камышом озеро. Но меня интересует не оно, а те небольшие бочажки и баклуши, спрятавшиеся в лесу, окружающем само озеро.

Баклушами у нас называют маленькие озёрца, бывшие омутами и свалами некогда протекавшей по этому месту, но сменившей своё русло реки. Обычно их размеры невелики – выстрел с одного берега до другого будет всегда в меру, и разве что длина их может быть несколько больше ширины. В этом месте таких озерушек с полсотни, все и не обойдёшь!

Помню, как первый раз оказался здесь совершенно случайно... Это место находится недалеко от слияния двух рек и называется Самаро-Кинельской стрелкой. Само место впадения Кинеля в Самару является региональным памятником природы, и вот туда-то я и решил наведаться, посмотреть на этот памятник собственными глазами.

При знакомстве с местностью я и обнаружил эти баклуши, да ещё попутно наличие вальдшнепа, когда переходил по лесу от одного озёрца к другому!

На самой территории памятника природы охота запрещена, но баклуши находятся как раз до выставленных на подъезде к Самаро-Кинельской стрелке пикетов с информацией о составе животного и растительного мира и действующих запретах. Это радовало!

Я не раз открывался здесь со своей легавой в летне-осенний сезон и всегда уходил с добычей! Мог добывать гораздо больше, но никогда больше трёх уток не брал, а бывало и вальдшнепа добывал из-под своего шотландского сеттера! Потому как незачем, дома и гуси с утками, и индюки с цесарками. Хозяйство в общем!

Так вот приехал я в этот раз один, без своей помощницы... Решил попытать удачу на проверенных баклушах, где всегда попадается утка, но не всегда попадается в неё! Тут какое дело: к собаке на стойке не таясь, смело поспешаешь, а к бочажку крадучись идёшь, на полусогнутых, и через раз дышишь, чтобы не подшуметь. Из-под стойки-то спокойнее стрелять, так как примерно понимаешь благодаря собаке откуда взлетит лесной кулик, а утка то за камышом поднимется, то крыльями тебе по ушам хлопает. Пока проморгаешься, а её и след простыл. И такое бывало!

Тут сделаю небольшое отступление и скажу, что некоторые такие баклуши имеют собственное название. Вот Горелое, например, – сгорело всё вокруг него как-то по весне из-за палов и вокруг до сих пор головёшки исполинские от осокарей торчат и баклуша словно облысевшая. Или Линёвое – линия там рыбаки ловят постоянно, а в других нет. А то и вовсе Тухлое – ни рыбы в нём, ни лягушек, одна вонь за версту. Есть и Долгое, Бездонное, Тягловое, да много всяких. Всё это я узнал у местных рыбаков.

Подкрадываюсь я к Горелому. Тут проще, воду метров за 20-30 видно. Встал за осокарем сгоревшим и выглядываю. Утки прямо на берегу сидят, сначала и не заметил, а только когда они сами меня увидели да на воду бросились. Вышел, поднялись на крыло, выстрел, селезень на воду пал, и тут я замираю и не понимаю, почему не происходит того, что я внутренне ожидал?.. Через мгновение понимаю, что ожидал я броска за битой птицей моей легавой, которой со мной нет. Ну надо же, какой павловский рефлекс у меня оказывается наличествует!

Селезень метров в десяти от берега на воде уж дошёл. Раздеваюсь, лезу по чёрной жирной тине за птицей. Надо же, широконоска! Принятие грязевых ванн скрашивает вид красивой добычи. Не часто мне попадались широконоски. Этот селезень точно всего лишь пятый за всё время. Пока грязь обмывал с ног, подмёрз мал-мало. Надо думать, почти конец октября, купальный сезон давно закрыт как!

Чего-то вдруг взгрустнулось, домой захотел. Но, думаю, нет! Правда дальше по баклушам не пойду «кругосветить», а через лесную балочку, где как раз Тягловое и пройду ещё по пути к машине.

Зашёл в лесок, и сразу всё стало по-другому. Холодный свежий воздух, настоящий на опавшей листве, да ещё и с нотками грибного аромата, как вкуснейшее заливное, тягуче входил в грудь при каждом вздохе! Даже как-то сразу и выдыхать не хочется. Снова медленно, ощущая все лесные ароматы, вдыхаю полной грудью до мурашек по коже! В голове вдруг сразу начинают мелькать мысли, как кадры: запах, чутьё, собака... Собака, где она? Ах, да. Её же нет со мной. Подхожу к Тягловому ещё осторожнее, здесь лес вплотную к воде и можно при спешке подшуметь. Почти высовываю осторожно голову из веток тёрна, с не облетевшими ещё листьями, и вижу, как дюжина уток справа от меня уплывает в камыш. Меня они заметили и спокойно ретируются. Уж тут стреляю по арьергарду этой «флотилии», и на воде остаётся одна птица. Остальные свечой над кронами деревьев уходят. Добавлять нет смысла, я-то в кустах, а чтобы уверенно стрелять, нужно как минимум уже на открытом стоять, мне птицу уже после первых хлопков крыльев видно не стало.

Опять вспоминаю про свою помощницу, опять стало грустно. Лезу через заросли вдоль бережка Тяглового к добыче. Я такие кусты мордохлыстом называю: как не уворачивайся, а на лице парую тройку красных рубцов оставят!

Ой-ёй, да здесь глубоко. До птицы метров пять, а глубина под два метра. Тягловое, оно достаточно глубокое и вытянутое, метров на сто пятьдесят. Когда-то через него тоню подо льдом протягивали, когда рыбы валом ещё по здешним местам было. Вот потому и Тягловое называют. Ну уж нет, купаться больше не хочется. Нахожу высокую сушину молодой осинки с руку толщиной и легко выламываю её из почвы. Ей и достал утку. Кряква этого года, но упитанная, совсем и не поршок уже!

Всё, я домой. Буквально метров с пятьсот пройти лесочком, и тропиночка есть, я знаю! Вот и машину через стволы видно стало. Всегда, когда остаются последние моменты нахождения на природе, на охоте, и знаешь, что вот сейчас сядешь в авто и тронешься в путь – становится немного грустно. А сейчас ну прям хоть плачь.

Я остановился и вдруг краем глаза будто багром выцепил из пестроты лиственного опада знакомый пёстрый узор оперения вальдшнепа. Он сидел в паре метров прямо на тропинке, сидел прижавшись к земле и не моргая смотрел на меня своими чёрными бусинами глаз! Внутри опять вздрогнуло: а где собака? Да нет же её со мной!.. Но я почему-то очень сильно ощущаю её присутствие, словно вот она стоит по птице и показывает мне её своей мордой! Но её нет со мной. Она ушла в начале сентября, ушла у меня на руках, молча стиснув от боли зубы. Я был с ней до последнего её вздоха...

Я сделал шаг, вальдшнеп взлетел с присущим ему шелестом и полетел по-над тропинкой. Не попасть было-бы трудно.

Но я не стрелял! Не имел права!

Слёзы текли у меня по лицу...

Октябрь 2017 год

Охотничье-рыболовная лирика

Поэзия и охота очень близки друг к другу, они как две сестры, дети одной матери – первобытной любви и страсти к природе. И потому такое сходство у охотников с поэтами: и те и другие подвластны магической силе природы и слову о ней.

Анатолий ГОРБУНОВ

Удильщик

Он закурил, волнуясь, папиросу,
Прикрылся хитро шёлковым дымком:
Чадит полынь, гудят в крапиве осы,
Над выпасом ударил в бубен гром.
Старик не зря старухе сделал прялку,
Ворчунья пряжей рот себе завьёт...
Исподтишка собрался на рыбалку,
Его давно в кустах зазноба ждёт.
Она – тонка, прогониста и гибка
И за ухватку любит старика:
Они умело подсекают рыбку,
Признаться, сходов не было пока.
Дал стрекача за выпас, что есть духу,
От радости топорщатся усы...
Ух, порезвится старый с молодухой –
В грозу клюют отменно караси!

На Ичёре

Не дерите, кукши, глотку,
Мирных гнёзд не разорю!
Окуней таскаю в лодку
– Полосатую зарю.

Плёс уловистый надыбал!
Я найду куда их деть...
Смотрит с завистью на рыбу
Из-за дерева медведь.

На Иркуте

Плитняк шелковником пропах.
На паутинке солнце виснет.
Уж падал снег, а на буграх
Цветёт ещё тысячелистник.
Кому охота в листопад
Перебирать пустые сети?
Шалим, как пара медвежат,
Хотя давно уже не дети.
Плёс очарованно притих...
Склонившись к робкому залёдку,
Тальник рыбёшек золотых
С насмешкой бросил
в нашу лодку!

Утиная охота

Встрепенулась хмельная ватага...
Необъятное ведро творя,
По заветным холмам и оврагам
Расплескалась до донца заря.

Камыши содрогнулись от грома,
Застонали во сне города,
Утки, ойкая, падали в омут,
От испуга дрожала вода.
Желтолицым стрелкам на потеху
Птицам крылья ломала картечь,
Повторяло насмешливо эхо
Поднебесья убитую речь.
А река навсегда уносила
Вниз по родине мёртвых лысух...
И в кипящих воронках крутила
Леденисто мерцающий пух.

Соболиная глушь

Грустно кружится пух иван-чая
Над янтарными лунами пней.
Бурый калтус, рогами качая,
Исподлобья глядит на гостей.
Обложили его интервенты,
Порезвятся до чёртиков тут:
По отсыпанной гравием ленте
День и ночь лесовозы идут...
С петель сорваны двери избушки
Застеклённой осколком зари.
Кроме ветра да мышки-норушки,
Ничего не осталось внутри.

На охоте

Черпал воду и замер в поклоне:
Как загадочен мир и велик!
Что ни плёс – на текучей иконе
Отражается Господа лик.

Так и хочется петь от восторга,
Быть святым, не рубить, не стрелять.
Жить и здравствовать долго-предолго,
Любоваться на струйную гладь.

Просыпаться под райские песни,
И ласкать всё живое любя,
Твёрдо зная, что из манны небесной
Ждёт готовая каша тебя.

Втихомолку, стыдливо, шипицей
Безысходность кольнула в груди:
Вон дрова и убитая птица...
Надо ужин готовить идти.

Ночь мелькнёт, снова жить как придётся,
И кормить свою грешную плоть...
Может, плачет, а может, смеётся
На текучей иконе Господь?

Сергей ВОРОШИЛОВ

г. Петрозаводск, Карелия

Родился в 1952 году в д. Лопатино Воскресенского района Московской области. В 1970 году переехал в Архангельск, окончил Архангельский лесотехнический институт. В 1976 году по распределению переехал в Карелию (г. Петрозаводск). Работал инженером-механиком на авторемонтном заводе, затем ведущим конструктором в НИИ целлюлозного машиностроения. За время работы окончил аспирантуру при Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности, защитил диссертацию с учёной степенью «кандидат технических наук», получил свыше 50 авторских свидетельств и патентов на изобретения, удостоен почётного звания «Заслуженный изобретатель республики Карелия», награждён медалью «ВАНХ».

Кроме поэзии увлекается охотой, рыбалкой, спортом, любит путешествовать. Публиковался в альманахах и коллективных сборниках.

След звериный скрыл распадок,
схоронил от глаз надёжно.
Север полон, брат, загадок.
Север... Север – это сложно.
Хорошо вдыхать прохладный
день осенний, дух ядрёный,
слушать вой ветров надсадный
о земле непокорённой.
Я ползу по мари топкой,
вверх иду тропой скалистой,
где упёрлись в небо сопки –
по ушедшим обелиски,
по неизвестным, кто упорно
подбирал ключи от тайны
синеокости озёрной,
кто открыл сей край бескрайний,
кто познал и лес, и поле,
но хлебал нужду без хлеба,
кто обрёл покой и волю
под белёсым низким небом.
Там последние причалы
для карелов и поморов...
Нет у севера начала.
И конца нет. Лишь просторы.
Ласков будет он иль грозен,
но тебе не выдаст тайну...
Я ж бегу за Хйрви-лосем,
как весёлый Лемминкяйнен*.
И гудят ветрами скалы,
и шумят ветвями сосны
мне секреты Калевалы...
Север... Север – это просто.

*Лемминкяйнен – герой карело-финского эпоса «Калевала».

Родник

Плыл август. Редкое явление
гостило в северных лесах:
нависла сушь – ни дуновенья,
ни облачка на небесах...
Уже которую неделю
тайга стонала от жары.
Болота высохнуть успели,
и пригорюнились боры.
С пустою фляжкой, терпеливо
дневной звенящею порой
я брёл по марям пилигримом,
разбитый жаждой и жарой.
Воды ни капли не встречая,
улав, как и тайга, страдать,
я мог в тот час за кружку чая,
пожалуй, многое отдать.
И, проложив маршрут по карте,
забыв про птиц и про зверей,
я шёл туда, где как-то в марте,

ища узоры глухарей,
с весенним встретился потоком,
но, не найдя надёжный брод,
в нём искупался ненароком...
А нынче?

Всё наоборот.
Передо мной – пустое русло,
чернеют камни, сух песок,
играют солнца блики тускло,
да кровь колотится в висок.
И я побрёл сухим оврагом,
моля лесное божество,
помочь найти хоть каплю влаги.
И вдруг, как сон, как волшебство,
увидел! Меж деревьев тонких
сверкнул серебряный родник.
Он жил – весёлый, чистый, звонкий...
Губами я к нему приник
и долго пил воды прохладу
голодным, алчущим птенцом.
Ружьё, рюкзак лежали рядом.
А я, умыв в ключе лицо
и сев в ольшанике тенистом
среди смородинных кустов,
задумался под небом чистым
о мире сложном и простом.
О том, что в жизненном ненастье,
коль выпал испытанья миг,
должны мы жить и верить в счастье –
найти спасительный Родник.

Охотничья привальная

Тают закатами дали таёжные,
гаснут просторы болот.
С дымом уносятся думы тревожные
прочь от житейских забот.

Сквозь близорукую темень кромешную
рвутся костра огоньки...
В круг собираются местные лешие,
жмутся к огню мужики.

Где над лесами, над марями спящими
звёздный раскинулся плед –
байки охотничьи, взгляды горящие,
вьётся дымок сигарет.

За прибаутками, жаркими спорами
вечер багровый утих.
Ночь занавесилась синими шторами,
сердце баюкает стих.

Спите, друзья. Защитит вас от холода
добрый товарищ костёр...
Сыплется искрами звёздное золото
в блюдца карельских озёр.

Пусть вам приснятся под отблески осени
глаз дорогих огоньки,
ветра напев колыбельной доносится
под переборы реки...

Лесное эхо

Свистя крылом, прошла над плёсом крякva
и шумно села в сонную кугу,
вздохнул прибой и рысий визг царапнул
закатом опалённую тайгу.

Сова-неясыть складывала бредни,
клянясь болотной нечисти в родстве,
сопел зыбун и ветер плакал медью,
запутавшись в редющей листве.

Стонал боец-рогач у водополя,
почуяв с ветром запах чужака...
И шёл чужак звериною тропой –
белела паутинка у виска...

Ходьбой и думой тёплую согретый,
вбирая чутко каждый новый звук,
он постигал таёжные секреты.
Он слушал лес, как слушать может друг.

Алексею Козину

В разгаре бабье лето:
и снова до утра
мы ждём с тобой рассвета
под дым от сигареты,
под отблески костра.
Роятся звёзды близко
вокруг шальной луны,
что опустилась низко,
цепляясь ровным диском
за краешек сосны.

Ты смотришь молчаливо
на пламя. Языки
танцуют суетливо,
и светятся, игриво
мерцают, огоньки.
О чём твои заботы,
лесных скитаний друг,
о трудностях работы,
о доме, об охоте?
Давай подумаем вслух...

Пусть лес тебя согреет.
Мы выпьем, не спеша,
за то, чтоб стать мудрее,
мы вспомним лайку Грэя,
и пусть взгрустнёт душа.
Мы выпьем за погоду,
за то, чтоб всем назло
нас не сгибали годы,
чтоб прочь ушли невзгоды,
чтоб завтра повезло...

На звёзд любясь грудью,
луна печалит глаз.
А звездопад, как чудо,

и загадать нетрудно
желанье в этот час.
Мы ощущаем кожей,
как сыплет звёзд крупа,
и нас догадка гложет,
что Млечный Путь, он то же –
охотничья тропа.

Ещё листва не пожелтела,
ещё трезвонят комары,
озёр прохлада помнит тело
в часы полуденной жары,
когда предчувствие охоты
жгло тайной чистого листа
и снилось мшистое болото,
как сокровенная мечта...

Свершилось! От унылых взоров
я схоронился средь тайги,
в её нехоженных просторах,
у скал порожистой реки.
Я видел выводок могучих,
зарю вспугнувших глухарей,
внезапно выросших над кручей,
как будто семь богатырей.
На голос лайки шёл упруго,
сжимая крепко два ствола,
и «тулка*», старая подруга,
в который раз не подвела.
Потом пил чай, а солнца блики
плясали «Енку**» по кустам,
и запах мёда и черники
бродил за мною по пятам.
И словно странники живые,
на мир взирая свысока,
по небу плыли кучевые
молочной пеной – облака.

*Тулка (охотн.) – ружьё Тульского оружейного завода.

**Енка – Летка Енка, финский танец.

Озёрная прохлада,
благословенный край.
Виденьем милым рядом –
пролёт утиных стай.
Гори, зари полоска!
Лети к плечу, приклад!
Раскатным отголоском
греми, тугой заряд!
Волнуйся же, округа,
остановись, крякаш*.
Прими в объятья друга,
скушающий ягдташ**...
Пусть в розовом просторе
колышется куга***...
А мне сегодня в зорях,
болотах и лугах
так просто раствориться,
запутав все следы,
и заново родиться
от Солнца и Воды.

*Крякаш (охотн.) – селезень кряковой утки.

**Ягдташ – охотничья сумка для дичи.

***Куга – водное травянистое растение, камыш.

Авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни»

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Березенков Николай Васильевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Белавинский Николай Алексеевич (Санкт-Петербург)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Гутовская Елена Николаевна (Северомуйск, Бурятия)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Зяблова Елена Викторовна (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Каретникова Наталия Владимировна (Москва)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Левшина Любовь Фёдоровна (Северомуйск, Бурятия)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Медведев Иннокентий Петрович (Братск, Иркутская обл.)
Нефёдоров Николай Парфентьевич (Иркутск)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попов Иван Сергеевич (Северомуйск, Бурятия)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Рославский Павел Викторович (Москва)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Тимошенко Надежда Михайловна (Ангарск, Иркутская обл.)
Ткаченко Михаил Петрович (Ангарск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна

Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.